

13 Июля 1929 г.

№ 28.

КРАСНАЯ ПЯНОРАМА

А. П. ЧЕХОВ — ЧИТАТЕЛЬ

А. Роскин

Чехову не нужно было искать книжных вдохновений. Они исключаются всем методом художественной работы Чехова: наблюдением окружающей действительности, раздумьями над внутренним значением явлений живой жизни, сложной работой по накапливанию жизненных деталей.

Но непрестанный наблюдатель жизни, он наблюдал и книги, ждал ярких радостей от хорошего романа, как от путешествия по степи. Творчество Чехова бедно следами непосредственных литературных влияний, но полно глубоких откликов на разнообразные явления мировой литературы. Персонажи чеховских произведений спорят о Тургеневе и Толстом, декламируют Некрасова, читают Мопассана, размышляют об античных философах и французских беллетристах — и это лишь мимолетные знаки, отмечающие читательские интересы и симпатии самого Чехова.

Вся переписка Чехова полна следов его читательских увлечений. Он читает всегда: в ничем не омраченные дни летней сестры в Сумах и у постели умиравшего брата, в период первых крупных дебютов и в годы ялтинской «ссылки», в пору быстрых и легких писаний и в годы, когда темп писательской работы стал тяжело замедляться.

«Читаю пропасть», — сообщает Чехов из Мелихова. «...В литературе я люблю не те романы и повести, которые вы ждете или перестали ждать от меня, а то, что я в продолжение многих часов могу читать, лежа на диване». Особенно много читает он у себя в ялтинском кабинете. За книгой он не знает скуки. — «Читаю вас и детскую хронику С. Аксакова», — сообщает он незадолго до смерти Вересаеву, — и чувствую себя прекрасно».

Чеховской натуре совершенно чуждо коллекционерство какого бы то ни было рода, особенно коллекционерство вещей. Только по отношению к книгам в нем была жилка, напоминавшая собирателя. Он любил рыться среди старых книг на Сухаревке. Сообщая Л. Мизиновой предполагаемую шуточную программу своего пребывания в Москве в один из приездов из Мелихова, он упоминает о поездке на Сухаревку для покупки книг. Его неустанные заботы об общественной библиотеке в Таганроге — свидетельство не только присущего ему стремления к культурной деятельности, но и конечно то же проявление любви к книге. С годами он признается в все возрастающем желании «копаться в бумажном мусоре». Его привлекает

издательская деятельность: «Будь у меня миллион, мне кажется, я издал бы сто тысяч книг». Знакомство в Париже с известным собирателем Онегиным Чехов отмечает в своем дневнике в числе интересных встреч.

Уже в молодости Чехов собирает довольно значительную домашнюю библиотеку численностью до тысячи томов. В составе библиотеки, как вспоминает друг Чехова А. С. Лазарев-Грузинский, «были старые разрозненные толстые журналы, отдельные томики разных авторов; покупалось все это в разное время, понемножку, при получении из редакций более крупного гонорара или аванса; на полные собрания сочинений в те времена у Чехова еще не хватало денег. Да и помещению ранее не позволяло особенно шириться его библиотеке». Но он мечтает о большой библиотеке:

«Если куплю себе хутор, то устрою себе там настоящую библиотеку, со всеми онерами».

Характер его чтений чрезвычайно широк и разнообразен. Богословские книги сменяются Лейкиным, Флобером — Мечниковым, Дарвин — стенографическими отчетами по делу Дрейфуса.

Выразительной характеристикой читательских вкусов Чехова явились бы точные списки книг, посланных в разное время Чеховым в таганрогскую городскую библиотеку. К сожалению, восстановить этот список в настоящее время нет возможности.

Но мы располагаем другим источником: нам известен состав той библиотеки, которую Чехов хранил до самой смерти у себя в ялтинском кабинете. Подбор книг этой небольшой библиотеки — в ней всего двести книг — отнюдь не случаен: ее состав — краткий конспект нестрогого репертуара чеховских чтений, намечающий наиболее характерные особенности Чехова-читателя.

Прежде всего, как писатель-профессионал, Чехов с необыкновенной внимательностью следит за всем новым в области отечественной художественной литературы. «Читайте все, что выходит», — советует от начинающей писательнице Е. М. Шавровой, имея в виду русскую беллетристику. — «Это для эрудиции нужно». Сам он по возможности старался следовать этому правилу. Необходимо подчеркнуть, что Чехов никогда не ограничивается знакомством с мало-мальски выдающимся писателем-современником по одной-двум его книжкам. Он читает их от доски до доски, стремясь собрать в свое библиотеке все их произведения. Он читает полностью не только Короленко или Горького, но и таких, как Маслов

Уголок музея имени А. П. Чехова в МХТ

Щеголов, второстепенное значение которых было, конечно, ясно для Чехова.

С меньшим вниманием читает Чехов книги тех писателей, которые, будучи его современниками, не принадлежали к близкому ему литературному кругу. Гаршин, Щедрин и Лесков являются поперечно предметами чеховского «медленного чтения». Но над всеми этими чтениями доминирует Толстой. Помещенный Чеховым в юмористическом ранге современных русских писателей на первое место «тайного советника», Толстой занимал бесспорно такое же место и в чтении Чехова. «Знаменитость № 877», как в шутку называл себя Чехов в сравнении с Толстым, он всю жизнь с громадным интересом читал каждую строку великого современника. Толстовские новинки — «Крейдерева Соната», «Воскресение» всегда составляют для Чехова волнующее, яркое событие. В различные периоды жизни он возвращается к старым произведениям Толстого, к «Войне и Миру» и «Анне Карениной» и сам удивляется тому жадному любопытству, которое способны возбуждать к себе эти уже столь знакомые ему произведения.

Но и русские классики нередко появляются в руках Чехова. У него создается привычка время от времени перечитывать лучшие образцы русской литературы. Тогда последняя русская или переводная новинка сменяется чаще всего томом Тургенева, Гоголя или прозы Лермонтова, которую Чехов особенно восхищался. Эти периодические возвращения Чехова к великим источникам русской литературы — одна из интересных сторон его непростанной работы над своей писательской техникой.

Эти черты чеховских чтений находят свое рельефное отражение в составе ялтинского книжного шкафа писателя. Классики русского художественного слова занимают здесь почетное место. Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Тургенев, Достоевский представлены полными собраниями сочинений. Один из томов собрания сочинений Толстого украшен автографом автора «Анны Карениной». Рядом с этими книгами — собрания сочинений наиболее выдающихся современников Чехова — Салтыков-Щедрин, Гаршин, Успенский, Короленко.

Но все же русские классики уступают место медицинским книгам — наиболее многочисленному отделу библиотечки. Ряд изданий последних лет дают возможность утверждать, что научная эрудиция Чехова была гораздо более обширной, чем это можно было предполагать ранее. Тот метод всестороннего и необыкновенно тщательного изучения литературных источников, который обнаружил Чехов в работе над несущественной «Историей медицины в России», — показывает, что писатель, требовавший от своих собратьев полной научной осведомленности при трактовке специальных тем, провозглашавший принцип глубокого сотрудничества литературы и науки, наконец, при всей требовательности к себе, все же предполагавший читать курс частной патологии в Московском университете, несомненно уделял немало внимания освещению своих знаний в специальных медицинских областях.

Состав ялтинской библиотеки вполне подтверждает этот взгляд. Отдел медицины — наиболее обширный. Это — большей частью медицинские учебники, тщательно сохраняемые Чехо-

вым еще с университетских лет. Среди учебников выделяется «Клинические лекции» Захарьина — знаменитого терапевта 80 и 90 годов, «Толстого в медицине», как называл его Чехов. Лекции Захарьина оставили неизгладимое впечатление на Чехова-студента. Есть все основания утверждать, что своеобразный метод захарьинской диагностики сыграл важную роль в формировании той утонченной системы писательских наблюдений, что характеризует творчество Чехова.

Классики и творцы новой медицины — таковы основные отделы библиотеки, напоминающие о двойной школе Чехова-писателя — студии литературного мастерства и лаборатории точного знания.

В библиотеке имеется также Словарь русского языка Академии наук. Эта книга была любимым чтением Чехова в последние годы жизни. Наблюдения над прогрессом языка доставляли Чехову живейшую писательскую радость. «А вы замечаете, — сказал Чехов в беседе с С. И. Шуклиным, — как теперь вообще развивается, улучшается язык? Заметили ли вы, как теперь выбрасывают слова, которые недавно считали невозможным опускать. Еще недавно писали «несколько лет тому назад», теперь же все пишут: «несколько лет назад».

Выходит хорошо, и только. И удивляешься, зачем прибавляли это ненужное слово. Здесь же следует отметить наличие в библиотеке книги Снегирева — «Народные пословицы и притчи».

Другой профессиональной чертой чеховских чтений является большой интерес Чехова к газетам и специальным периодическим изданиям — военным, миссионерским, историческим. Он читает не только столичные газеты, но и огромное число провинциальных газет, а также и некоторые иностранные газеты (например, «Temps»). Его внимание привлекала в газетах в первую очередь местная хроника. По утверждениям некоторых мемуаристов, газетные факты не раз являлись толчком для чеховских художественных вымыслов. Этот читательский интерес Чехова также находит свое отражение в составе библиотеки в ряде периодических изданий («Русский Инвалид», «Охота» и др.). Бросается в глаза, что иностранная художественная литература представлена весьма бедно. Современные западные авторы, привлекавшие всегда столь пристальное внимание Чехова, отсутствуют вовсе.

Нет ни Мопассана, ни Зола, ни Гауптмана — нет тех писателей, по поводу которых так часто высказывался Чехов в своей переписке. Один из мемуаристов, поэт И. Белоусов, отмечает особый интерес Чехова к афористической литературе. Чехов медленно, с карандашом в руках, прочитывает сборники афоризмов Гейне и Гете, делает пометки на полях... Заметим мимоходом, что эти чтения могли сыграть крупную роль в выработке того превосходного афористического искусства, которым в высокой степени владел Чехов. Это мастерство далось Чехову не сразу: любопытно признание Чехова, что, в период создания «Скучной истории» он, в виде подготовительной работы, «упражнялся» в умении кратко и ясно излагать отвлеченные идеи. Такова в общих чертах «малая библиотека» Чехова, библиотека избранных книг. Далеко не раскрывая всего характерного разнообразия чеховских чтений, состав этой библиотеки позволяет все же кое-что по новому осветить в проблеме — «Чехов среди книг».

Могила А. П. Чехова в Москве в Новодевичьем монастыре